

Двое влюбленных едва успели сойтись, как им пришлось расстаться. Е Чунлань, разумеется, был не в силах скрыть свою печаль. Перед самым отъездом он насильно уложил Му Цинхуа в постель, заставив несколько раз разделить с ним ложе — впрочем, лишь для того, чтобы просто поспать. В ту пору молодой господин Е был еще крайне чист душой. Несмотря на тревогу, он понимал: перед ним взрослый мужчина, и Е Чунлань верил в способности своего даоса. Дав последние наставления, он наконец позволил ему уйти.

Однако в этот момент Е Чунлань принял для себя важное решение. Желание прежнего владельца тела должно быть исполнено, и он постарается покончить с этими хлопотами как можно скорее — тогда они с даосом смогут обрести настоящую свободу.

В отличие от Е Чунлани, Му Цинхуа не испытывал никакой тоски. Как уже говорилось, у него имелось Божественное Перемещение, позволяющее преодолевать тысячи ли в мгновение ока, так что вернуться он мог в любую минуту — о чем тут было горевать?

Видя, с какой легкостью тот ушел, даже не обернувшись, Е Чунлань, чье настроение и без того было паршивым, помрачнел еще сильнее. Прислуга поспешила отойти подальше, опасаясь попасть под горячую руку императора.

Но не все отличались такой проницательностью. Когда во дворце Вдовствующей императрицы Лю появилась нянька Цинь, она застала правителя с чернее тучи лицом. Нянька была немало напугана, но, будучи старой служанкой, привыкшей к дворцовым интригам, она сумела побороть страх и под тяжелым взглядом императора передала просьбу Вдовствующей императрицы о визите.

Будучи императором, который печется о сыновней почтительности, Е Чунлань не мог отказать. Он был раздражен, но в то же время озадачен: с момента возвращения во дворец он почти не виделся с матерью.

Смерть Ци-вана стала для Вдовствующей императрицы Лю страшным ударом; она не вставала с постели уже почти два месяца. Все же она была его матерью по титулу, и Е Чунлань навещал ее, но каждый раз заставал либо лежащей в полубессознательном состоянии, либо беззвучно плачущей. К нему она относилась холодно, а чаще и вовсе делала вид, что не замечает. То, что она сама решила его увидеть, было в новинку.

Когда Е Чунлань прибыл в покои Вдовствующей императрицы, он обнаружил там не только слуг, но и Хэ Цинчжэнь, которую не видел больше месяца. Хрупкая красавица заметно похудела, в чертах лица сквозила изможденность, и хотя она старалась скрыть это под слоем пудры, Е Чунлань сразу все понял.

Будь он обычным мужчиной, то при виде такой нежной красавицы, взирающей на него с легкой печалью в глазах и склонившейся в изящном поклоне, он бы давно прижал ее к груди, преисполнившись сочувствия. Но Е Чунлань был мужчиной необычным.

В глубине души он даже позлорадствовал: судя по виду Хэ Цинчжэнь, жизнь в гареме в

последнее время была для нее несладкой, и дальше будет только хуже. Он не стал расправляться с ней сразу по двум причинам: во-первых, хотел, чтобы она сполна вкусила страха, а во-вторых, желал, чтобы она собственными глазами видела, как медленно падает с высоты. Слишком быстрое падение — это неинтересно. Ему нужно было, чтобы она ощущала ужас, осознавала безвыходность своего положения и чувствовала, как почва уходит из-под ног.

Прошел месяц — пора было действовать. Е Чунлань заметил, что с тех пор, как стал Ли Синьюанем, он — то ли под влиянием характера прежнего владельца тела, то ли из-за окружающей обстановки — стал куда более коварным.

Кхм, разумеется, об этом его даосу знать было не обязательно.

Хэ Цинчжэнь стояла на коленях, наблюдая, как император проходит мимо, полностью игнорируя ее. В его взгляде больше не было ни прежней нежности, ни внимания — он даже не удостоил ее мимолетным взглядом.

Тревога, терзавшая ее сердце весь этот месяц, росла с каждым днем. Неужели он действительно что-то узнал? Нет, невозможно! Если бы узнал, разве оставил бы ее в покое, разве позволил бы и дальше оставаться наложницей Чжэнь? Значит, он точно ничего не знает!

И все же, он давно не навещал ее, даже к их единственному сыну не заходил. Вспоминая, как маленький А-Шоу раз за разом обнимал ее за ноги, спрашивая, почему отец так долго не приходит, почему его не пускают к императору, она ощущала, как холодеет внутри.

Раньше такого не случалось. У императора был лишь один сын, и все видели, как он дорожит А-Шоу. Как он мог внезапно так охладеть?

Холод пробирал ее до костей. Она пошатнулась, и лишь поддержка служанки помогла ей устоять. Хэ Цинчжэнь так сильно сжала платок в руках, что тот едва не порвался. Она пыталась заставить себя успокоиться — нельзя сидеть сложа руки, нельзя! Глядя на занавешенные покои, она начала строить план.

\*\*\*

Этот день во Дворце Фуниин выдался беспокойным. Поговаривали, что двое самых высокопоставленных людей в государстве — император и Вдовствующая императрица — крупно поссорились. Императрица обвиняла сына в непочтительности, называла неблагодарным отпрыском, а император покинул дворец с потемневшим лицом.

Хотя информацию быстро засекретили, слухи распространялись с невероятной скоростью. На поверхности все казалось тихим и мирным, но в глубине уже зрели бури.

Как только император ушел, во Дворец Фуниин снова вызвали лекарей, а ворота заперли. Вслух

никто ничего не говорил, но втайне императора начали порицать, и на утреннем докладе наверняка нашлись бы чиновники, готовые обвинить его в дурном поведении.

Дворец Фунин.

Вдовствующая императрица Лю, которая в глазах всех снова слегла с недугом, сидела на кушетке, выпрямив спину. Ее грудь тяжело вздымалась, а нянька Цинь заботливо поглаживала ее по спине, помогая перевести дыхание.

— Госпожа... вы и вправду верите словам наложницы Чжэнь? — нерешительно спросила нянька Цинь.

— Верю! Почему бы мне не верить? — холодно усмехнулась Вдовствующая императрица. — У нее не хватит смелости обмануть меня!

Она закрыла глаза, погружившись в раздумья. Нянька осторожно массировала ей плечи, не смея мешать. Спустя долгое время Вдовствующая императрица открыла глаза, и в них читалась решимость.

— Иди, отправь письмо Чжэнь-вану. Скажи, что я согласна на его условия!

Няньку Цинь пробрала дрожь, но она не сдержалась:

— Госпожа... вы действительно... действительно хотите это сделать? Если дело сорвется, нас ждет кара за государственную измену, истребление всего рода...

— Ты думаешь, я сама этого хочу? Я уже достигла вершины, выше некуда! — с ненавистью произнесла Вдовствующая императрица. — Но император зашел слишком далеко! В той усадьбе было столько людей, многие болели, но никто не умер, почему же скончался именно мой сын?! А этот Государственный наставник? У него было лекарство, все исцелились, кроме моего сына? Ли Синьюань, конечно, умен, но пусть не держит остальных за дураков!

— У меня был лишь один сын... — вспомнив о Ци-ване, она прослезилась. — Как же император мог быть так жесток? Ведь это его родной брат. Он действительно бессердечен, он намеренно хотел нашей смерти!

Нянька Цинь поспешила утешить ее:

— Его Величество и правда... — она осеклась, осознав, что чуть не сказала лишнего, и, осторожно взглянув на лицо императрицы, добавила: — Все вокруг говорят, что лекарство наставника — чудодейственный эликсир, способный поставить на ноги даже умирающего. Вы, госпожа, болеете уже долго, а император так и не прислал вам ни единой дозы.

Лицо Вдовствующей императрицы изменилось. Нянька поспешила исправиться:

— Простите старую дуру, не берите в голову. Наверное, Его Величество... просто забыл.

Вдовствующая императрица махнула рукой:

— Он ведь мне не родной. В глубине души он признает матерью только императрицу Цзинъюань, а я для него — пустое место.

— Госпожа...

— Раз он не считает меня матерью, почему я должна считать его сыном? — холодно произнесла она. — Он наверняка догадался о связи моего сына с наложницей Чжэнь, вот и решил нанести удар. Но он оказался слишком мягкосердечен, поддался женским чарам. Не смог наказать женщину, которая наставила ему рога... Что ж, тем лучше, это наш шанс.

— Наложница Чжэнь преподнесла мне отличный подарок. Если А-Шоу действительно мой родной внук, то следующим императором будет только он.

Нянька Цинь помедлила, прежде чем спросить:

— Госпожа собирается выполнить требования наложницы Чжэнь?

Вдовствующая императрица усмехнулась:

— Разве я давала ей обещания? Я лишь пообещала защитить А-Шоу. А что до нее — жива она или мертва, меня не касается! Распутная девка, если бы не она, если бы не ее соблазны, мой сын не был бы так ослеплен и не расплатился бы жизнью. Она — источник всех бед! Она говорит, что любила его? Что ж, раз моего сына больше нет, пусть отправится вслед за ним!

Эти ледяные, пропитанные жаждой убийства слова заставили няньку Цинь вздрогнуть. Если бы Хэ Цинчжэнь услышала это, она бы тысячу раз пожалела о том, что решила искать защиты у Вдовствующей императрицы. Та действительно была сильной покровительницей и ценила Цивана, а также его единственного наследника, но это не значило, что она будет беречь ту, что погубила его.

Единственной ошибкой Хэ Цинчжэнь была самоуверенность. Она думала, что как мать А-Шоу, сможет найти защиту у бабушки своего ребенка, но не учла, что, узнав правду, та будет лишь ненавидеть ее. Из-за неверного расчета судьба Хэ Цинчжэнь была предрешена.

\*\*\*

О дворцовых интригах Му Цинхуа, находившийся за тысячи ли, разумеется, не знал. Вместе с отрядом Фу Аня он двигался на север. Роскошь и суeta постепенно отступали, воздух становился суше, а северные пейзажи поражали своим величием, пусть и отдавали легкой пустынностью.

Фу Ань был отличным проводником и мог найти общий язык с кем угодно. Му Цинхуа не любил много разговаривать, поэтому большую часть времени говорил один Фу Ань, но атмосфера при этом не казалась неловкой.

Фу Ань всю дорогу незаметно наблюдал за новым Государственным наставником. Он считал себя знатоком людей, но этот человек оставался для него загадкой. С того самого дня, как того назначили на должность, в поместье Чжэнь-вана начали наводить справки. Но сколько бы шпионов они ни отправляли, все сводилось к одному: три месяца назад предыдущий наставник, даос Чэнпин, лично представил своего младшего брата по учению императору, предложив его кандидатуру.

Вся информация о новом наставнике начиналась с событий трехмесячной давности. А до того — ничего. Фу Ань пытался вывести хоть что-то, но наткнулся на холодную стену безразличия, что лишь сильнее запутывало его.

Как только они пересекли границу Шучжоу, Му Цинхуа слегка нахмурился: местность была слишком пустынной, а небо казалось затянутым серой пеленой.

Фу Ань, заметив это, вздохнул:

— В этом году в Шучжоу сильная засуха, урожая нет. Из-за халатности местных чиновников несколько месяцев назад вспыхнула эпидемия. В таких местах, как Куньчэн, уезд Мэй и уезд Шо, ситуация особенно тяжелая. Чжэнь-ван очень обеспокоен этим.

Говоря это, он украдкой следил за лицом Му Цинхуа, но тот оставался бесстрастным. Фу Ань нахмурился:

— Лекарство наставника подарило надежду всему Шучжоу. Чжэнь-ван просил меня во что бы то ни стало пригласить вас, и теперь, когда вы здесь, он встретит вас с почестями.

Му Цинхуа молча опустил штору и вдруг спросил:

— Сколько еще до Сюйаньфу?

Сюйаньфу находился недалеко от Шучжоу, именно там располагалось поместье Чжэнь-вана.

— Если ехать без остановок, через три дня будем, — ответил Фу Ань.

— А до Куньчэна?

Фу Ань не понял его намерения, но честно ответил:

— Всего один день пути.

Му Цинхуа постучал пальцами по сиденью:

— Тогда сначала в Куньчэн.

— А? — Фу Ань опешил. — Но ван ждет вас, к тому же в Куньчэне эпидемия, наставнику опасно туда соваться без подготовки.

— Разве вы не за тем меня позвали, чтобы я помог с эпидемией? — холодно ответил Му Цинхуа. — А что до вашего вана, то если эпидемия пойдет на спад, он будет только рад.

Аргумент был железным, и Фу Ань не нашелся что ответить.

— Наставник, вы, возможно, не поняли. Ван пригласил вас не для того, чтобы вы рисковали жизнью. Вам достаточно просто готовить лекарства в поместье, остальное сделают другие.

Му Цинхуа был непреклонен. Он был упрям: если что-то решил, никто не мог его переубедить. Видя, как Фу Ань хмурится, он про себя усмехнулся: какие бы цели ни преследовал Чжэнь-ван, заслуга в спасении людей будет записана на счет Е Чунланя. Раз уж его пригласили, пусть не надеются присвоить себе все лавры.

\*\*\*

По пути в Куньчэн им встречалось все больше беженцев. Местные чиновники, видимо, уже получили известие и ждали у городских ворот.

Му Цинхуа был Государственным наставником, человеком особого статуса. Кроме отряда Фу Аня, Е Чунлань выделил ему хорошо обученную личную гвардию из сорока человек. Это выглядело внушительно, особенно в Куньчэне, где эпидемия заставила всех бежать в ужасе.

Местный чиновник, судя по всему, знал о наставнике и его чудодейственных лекарствах — его глаза при виде Му Цинхуа были полны таких слез радости, что, казалось, могли растопить лед.

Несмотря на протесты Фу Аня, Му Цинхуа осмотрел город и даже отправился в закрытую зону карантина. Увиденное было не лучше, чем конец света, о котором он знал из прошлой жизни.

Му Цинхуа не стал медлить и велел собрать всех оставшихся в городе лекарей. Их оказалось всего девятнадцать, включая его самого. Взгляд, который он бросил на Фу Аня, стал еще тяжелее. Вот она — забота Чжэнь-вана о народе?

В городе не хватало не только врачей, но и чиновников. Остались лишь мелкие служащие, самым высокопоставленным из которых был Панг Фэй. Му Цинхуа спрашивал его, куда делись губернатор и другие сановники. Панг Фэй отвечал уклончиво, но Му Цинхуа не был дураком и быстро понял намеки.

Они просто сбежали, как только эпидемия вышла из-под контроля. А почему двор не получил об этом ни весточки — вопрос к Фу Аню из поместья Чжэнь-вана.

Му Цинхуа знал это, но не стал устраивать допросов. Ему и так было противно.

Губернатор, сбегая, прихватил с собой все ресурсы. Городской порядок держался на горстке мелких чиновников и сотне солдат. Люди жили в нечеловеческих условиях. Отряд Му Цинхуа, хоть и был небольшим, стал свежей силой. А так как каждый из них был мастером боевых искусств, нехватка рук была частично компенсирована.

Му Цинхуа потребовалось полмесяца, чтобы привести Куньчэн в относительный порядок. Он оставил Панг Фэя управлять порядком, повысил ряд молодых чиновников — не знал, насколько они способны, но они остались на своих местах в разгар эпидемии, не сбежали, и это заслуживало уважения.

Му Цинхуа не стремился к власти. Проведя кадровые перестановки, он предоставил им свободу действий, а сам с десятком лекарей ушел в карантинную зону. Фу Аня и остальных он намеренно игнорировал. Даже у такого сдержанного человека, как Фу Ань, от этого темнело в глазах.

Через полмесяца ворота карантинной зоны открылись. За исключением тех, кого уже нельзя было спасти, семь-восемь человек из десяти выжили. Имя нового «святого» наставника разнеслось по всему Шочжоу.

Фу Ань издали смотрел, как люди кланяются белоснежным одеждам даоса, и вдруг почувствовал, как по спине пробежал холодок. Впервые он усомнился в решении своего вана: было ли правильным приглашать этого человека на северо-запад?

\*\*\*

Сюйаньфу, поместье Чжэнь-вана.

Ли Цзицзэ передал письмо Фу Аня своему доверенному лицу и закрыл глаза, погружившись в раздумья. Хотя он был родным дядей Ли Синьюаня, они были совершенно не похожи: Ли

Синьюань был утонченным красавцем, а Ли Цзицзэ — грубым и мужественным. Несмотря на свои сорок с лишним лет, благодаря постоянным тренировкам, он сохранял прекрасную форму.

Доверенное лицо пробежало глазами по письму и нахмурилось:

— Кажется, этого нового наставника будет нелегко использовать...

Чжэнь-ван открыл глаза и усмехнулся:

— Ученик старого даоса Чэнпина не может быть простым человеком. Люди из монастыря Цинтун — те еще штучки.

— Но то, что он творит в Куньчэне, может помешать планам Вашего Высочества, — понизив голос, сказал помощник.

Чжэнь-ван отмахнулся:

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но это всего лишь кучка простолюдинов, мне до них нет дела. — Он помолчал и сменил тему: — Как дела в Дайцзюне?

— Все исполнено, — ответил советник. — Двадцать тысяч лянов серебра обменяли на двенадцать тысяч комплектов доспехов и оружия, а также десять тысяч даней зерна.

Чжэнь-ван удовлетворенно кивнул:

— Подготовь еще один доклад. Напиши, что хотя наставник и контролирует эпидемию, на восстановление Шочжоу и обустройство беженцев нужны деньги. У меня их нет, пусть Министерство финансов пришлет еще.

— Сколько просить в этот раз? — уточнил советник.

— Чем больше, тем лучше, — глаза Чжэнь-вана блеснули холодом. — Сейчас мне больше всего нужны деньги.

\*\*\*

Е Чунлань спал. Глубокая ночь, конечно, он спал.

И вдруг в какой-то момент он настороженно открыл глаза, пальцы инстинктивно сжались. Не успел он среагировать, как чье-то тело тяжело опустилось на него. В нос ударил знакомый запах трав. Е Чунлань расслабил напряженные мышцы, раскинул руки, обнимая гостя, и с

улыбкой прошептал:

— Как ты здесь оказался? Почему вернулся так внезапно, даже не предупредил?

Му Цинхуа и сам не знал, почему вдруг здесь оказался. Просто среди ночи не спалось, и он внезапно затосковал по этому парню, по его глупой улыбке. Он был из тех, кто делает то, что взбредет в голову, и вот — он уже в императорской постели.

Он ткнул пальцем в улыбающееся лицо Е Чунланя. Му Цинхуа, вероятно, даже не догадывался, насколько мягче стал его взгляд. Е Чунлань видел это отчетливо, и сердце его сладко заныло.

Они молча обнимались в уютной тишине. Му Цинхуа негромко рассказывал о делах в Куньчэне. Он знал, что императору Е Чунланю и так доложат обо всем, но ему хотелось рассказать самому. Почему — он и сам не понимал.

Е Чунлань слушал внимательно. Му Цинхуа не был мастером рассказов — все звучало сухо, зато голос был приятный, и Е Чунлань слушал с восторгом. Он знал, что его даос — великий лентяй, который предпочтет лежать, чем сидеть, и сидеть, чем стоять, и если тот взялся за все это, то только ради него.

Думая об этом, он обнял даоса за талию и несколько раз чмокнул в щеку. Уши Му Цинхуа покраснели. Он сердито сверкнул глазами и попытался приподняться:

— Я пробрался тайком, до рассвета должен вернуться.

Мозг Е Чунланя наконец заработал, пытаясь осознать, как тот оказался здесь. Он считал свою бдительность безупречной, никто не мог приблизиться незамеченным. Он был уверен: даос появился из ниоткуда. А ведь Куньчэн так далеко! Даже с Великим Легким Кунфу на дорогу ушло бы несколько дней. Способность перемещаться мгновенно скрывала в себе огромную тайну.

На мгновение его охватил ужас. Он вспомнил все: два своих перерождения, встречу в двух разных мирах — все это противоречило законам природы. Не исчезнет ли однажды все это, как мираж?

Е Чунлань сел. Его янтарные глаза мерцали в темноте. Хотя они с даосом были из одного мира, они были разными. За десять лет он изучил его достаточно, чтобы знать о множестве секретов. Но со временем тот перестал скрывать их, и теперь некоторые вещи лежали на поверхности. Означало ли это, что даос начал дорожить им еще больше?

С этой мыслью тревога улеглась. Он обнял даоса за талию и тихо рассмеялся:

— До рассвета еще полно времени. Ночь длинна и скучна, почему бы нам не заняться чем-

нибудь интересным?

Му Цинхуа приподнял бровь, с легким недоумением глядя на него.

Затем он увидел, как уголок губ Е Чунланя дернулся в улыбке. Ему показалось, или эта улыбка была другой? В ней больше не было той глуповатости, а появилось нечто, от чего уши начинали гореть.

Длинные пальцы медленно скользнули по его шее. Е Чунлань вздохнул: кожа была невероятно нежной, даже лучше, чем у девушки. Интересно, как ему удастся так за ней ухаживать?

Плотные полога надежно скрывали всё происходящее внутри. Даже в кромешной тьме глаза людей, сведущих в боевых искусствах, способны были отчетливо различить выражение лица партнера.

Му Цинхуа чувствовал, как его губы и подбородок нежно облизывают, целуют, время от времени слегка покусывают. От этих ощущений стало щекотно, он слегка приподнял правую руку, но в итоге так и не решился оттолкнуть того, кто был рядом.

Он пребывал в легком оцепенении, пока его не прижали к постели. Только тогда до него начало доходить, что происходит. Осознав намерения партнера, Му Цинхуа тут же перевернулся, сам прижав его к кровати.

Е Чунлань, не ожидавший такой прыти, позволил одержать над собой верх. Он не стал сопротивляться, лишь с сомнением спросил: А ты умеешь?

Столь явное недоверие заставило Му Цинхуа приподнять бровь: А ты умеешь?

Конечно! — глаза Е Чунланя засияли. Он даже не заметил, как его собственные одежды оказались распахнуты, и с гордостью добавил: Я прочел немало книг, в императорской сокровищнице их предостаточно. Позволь мне, я гарантирую, тебе будет очень приятно.

Ответом ему стало обнаженное тело, навалившееся сверху. Му Цинхуа сам не заметил, когда успел раздеть их обоих. Он потерялся о него, и от этого прикосновения кожа к коже по телу разлилось такое блаженство, что он невольно выдохнул от удовольствия.

Прикусив аппетитную грудь, Му Цинхуа слегка приподнялся и заткнул ему рот поцелуем. Он прочел едва ли не больше фривольных книжек, чем Е Чунлань, причем с куда более богатым содержанием и разнообразными техниками — десятилетия жизни затворника прошли не зря.

...

Ощущения снизу были не из приятных, особенно для мужчины, которого другой мужчина силой заставил уступить. Е Чунлань сурово нахмурился, виски намокли от пота. Несмотря на дискомфорт — как физический, так и душевный, — он ни на миг не захотел оттолкнуть партнера.

Именно такого единения он и жаждал. Даже чувствуя боль, он не желал отпускать его, и прежняя тревога, казалось, постепенно растворялась в этих болезненных ощущениях...

Когда он проснулся, уже рассвело. Человека, спавшего рядом, и след простыл.

Сквозь полога пробивался тусклый утренний свет. С тех пор как он взошел на престол, он еще никогда не просыпался так поздно.

Е Чунлань слегка шевельнулся, и жгучая боль в одном невыразимом месте дала о себе знать. Он замер, а затем его бледное лицо залил густой румянец.

Снаружи, по-видимому, услышали его движение: послышались легкие шаги, а затем раздался тонкий, характерный голос главного евнуха.

Е Чунлань коснулся своего зада, и, осознав, что именно произошло, застыл. Лицо его покраснело еще сильнее, казалось, от него вот-вот пойдет дым. Он резко натянул одеяло, прячась с головой, и спустя долгое время выдавил из себя: Сегодня утренней аудиенции не будет, я отдыхаю!

Прислуживавшие евнухи уловили странные нотки в его голосе, но без повеления императора никто не осмелился войти. Так что Е Чунлань в одиночестве, морщась от боли, закутался в одеяло и прокатался по кровати всё утро.

А в это время Му Цинхуа, сполна удовлетворив свои желания, вернулся с помощью Божественного Перемещения. Он вновь принял вид холодного небожителя, словно ничего не произошло — если, конечно, не считать его покрасневших ушей и того, что он весь день витал в облаках.

Можно ли считать это подарком, доставленным за тысячи ли? — размышлял Му Цинхуа, чувствуя внутреннюю неловкость. Не слишком ли быстро развиваются их отношения? Но он ничуть не жалел, напротив, ему хотелось повторить всё снова. Вкус этого маленького желтого цыпленка оказался слишком хорош, кажется, он попал в зависимость!